

Глава XXXIV

Трактует о разных разностях, а для вящего объяснения предыдущей главы знакомит Читателя с Мистером Питером Пеккрафтом

Если бы с незапамятных времен некоторые из членов великой человеческой семьи не страдали¹ от антикварной страсти, всю жизнь свою употребляя с пользой эту врожденную в них способность выкапывать из самых непредвиденных тайников всевозможные редкости, собирать, составлять коллекции и распределять их на классы, то всего вероятнее, что внуки их и правнуки оказались бы гораздо глупее, чем они есть в настоящую минуту; и фактические доказательства, подтверждающие разные теории о приятных и игривых свойствах допотопного джентльмена или же что еще интереснее – допотопной лэди, не существовали бы, и поэтому не было бы достаточной причины для самолюбивого соревнования будущих поколений. Так, например, если бы величественные древние Греки предали неблагодарному забвению своего слепого менестреля Гомера², то до нас не дошло бы таинственных слухов о клевете, ходящей в Индустане³ между желтокожими потомками ученого законодателя Ману⁴, наслаждавшегося на сей земле во времена Маххабхаратской⁵ Эры 1300 лет до Р.Х., – о клевете на маститого Греческого Песнопевца, обвиняемого сими завистливыми браминами в том, будто бы он просто-напросто выкрал свои звучные песни у их древних поэтов, живших в преданиях Допирамидных времен; далее, когда бы эти слухи не дошли бы до любознательных Великобританцев, то им бы и в голову не приходило удостовериться на деле об справедливости подобного обидного заявленья для Греков, Англия не объявляла бы войны Индии, терзаемая учеными сомнениями, и вследствие сего, не покорив три четверти оной, не могла бы с гордостью лицезреть Великобританского солнца, вечно торчащего над их владениями, а самое это солнце принуждено бы было с краскою стыда на благородном челе нырять каждый вечер в одни лишь грязные волны Темзы, поневоле довольствуясь такой позорной участью. Поэтому нам мало всей нашей жизни, чтобы достаточно отблагодарить благородных антиквариюв, «труды которых живут и будут вечно жить», доставивших нам такие подробные описания тех, что способствовали когда-то к населению земли, поэтично называемой «Корабль-Мамонт»⁶. И всякий раз как приходится сему Кораблю, перебросив через борт своих старых матросов, одного за другим, в «Океан будущей жизни», обзавестись молокососами, наш Мамонт никогда не забудет внушительно посоветовать молодому народу прибереечь некоторые матерьяльные доказательства в существовании сих умственных и физических произведений древности для бóльшего соревнования в усовершенствованьи грядущих поколений.

Никто не станет оспаривать того непреложного факта, что всякий из нас более или менее подвержен страсти владеть чем-нибудь таким, чего нет у другого, будь то старая монета, мебель, животное или растение; и хотя психологи сваливают подобную страсть на счет людского себялюбия и врожденного чванства, но всё-таки неотъемлемое существование оной в человеческом сердце доказывает, что само Провидение посеяло в нас это чувство для сохранения лучших произведений Его в каждом последующем веке.

Горела ли в глубине доброжелательного сердца Мистера Питера Пеккрафта подобная искра заботливости о благосостоянии грядущих поколений или нет, этого мы не возьмёмся решить, так как сему джентльмену не доводилось выказывать других наружных признаков, кроме заботливости о благосостоянии собственного кармана; одно было верно и несомненно доказано, а

¹ Далее зачеркнуто: *бы*.

² Гомер – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

³ Индостане (*англ.* Hindustan).

⁴ «Ману (санскр.). Великий индийский законодатель. Это имя происходит от санскритского корня *ман*, “мыслитель”; на самом деле – человеческий род, но относится к Сваямбхуве, первому из Ману, который возник от Сваямбху, “самосущего”, поэтому – *Логос* и прародитель человечества. Ману является первым Законодателем, почти Божественным Существом» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 250*).

⁵ Маххабхарата (*санскр.* mahābhāratam, «Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру) – древнеиндийский эпос.

⁶ Mammoth Ship (*англ.*) – корабль-гигант.

именно, что Мистер Питер Пеккрафт в продолжение многих долгих годов своей жизни покупал и продавал всевозможные трофеи самой древней наружности и к тому же содержал прикащика⁷; но находился ли этот прикащик в магазине редкостей как необходимая принадлежность одного или же в виде добавочного украшения, – клиентам⁸ Мистера Пеккрафта не удалось решить. Знали они, что то был прикащик, потому что Мистер Пеккрафт, – указывая на бледнолицего и красноносого юношу, [который] постоянно держался каким-то чудом эквилибристики на самой вершине высочайшей и острейшей скамейки перед конторкой, – говорил, указывая на него через плечо большим пальцем: «Мой прикащик», но никто никогда не слыхивал еще голоса его; и те же клиенты имели полное право почувствовать сильнейшее подозрение всякий раз, когда в ответ на какое-либо требуемое ими сведение он молча указывал пером на Мистера Пеккрафта, в том, что прикащик этот был только хитро устроенным Вокансоновским Автоматом⁹ добытым хозяином в видах экономии.

Мистер Питер Пеккрафт посвятил лучшую часть своей жизни собиранию редкостей, и так как он холостяк и страдает временно подагрой, то если торговля его и преуспевает, зато характер с каждым днём портится, а личная страсть антикофобии овладевает им сильнее с каждым годом. Некоторые из этих редкостей находятся в его владении уж много лет, и они сделались столь необходимы его счастью, что одна мысль расстаться с ними немедленно развивает в нём новый припадок подагры. На все изъявляемые покупателями желания приторговаться с ним Мистер Пеккрафт тотчас же весь коробится как бы от чрезвычайно острой боли и объявляет им, охая и стоная, что «оно уж продано».

Ровно тридцать лет прошло с того времени, как Мистер Пеккрафт, войдя в товарищество с партнером, знакомым ему с детских лет, открыл свою фирму; и хотя много перемен произошло с тех пор, но сам он не изменился ни в чём, разве только что постарел. Серый широкий старомодный сюртук на нем тот же самый, как и в день смерти его партнера; серые щетинистые волосы торчат во все стороны, как иглы ежа, по-прежнему, и до такой степени доходит отвращенье старого джентльмена к малейшей перемене, что он не позволяет даже снять с прибитой над дверями вывески фирмы имени своего усопшего партнера; и поэтому вывеска эта продолжает привлекать взоры публики, красуясь между опочившим в младенчестве крокодилем и сиреною, горестно указывающую хвостом всем проходящим на свой отбитый нос, объявляя всем и каждому, что фирма всё еще принадлежит: Друду и Пеккрафту.

Фирма эта, невзирая на свой скромный вид, преуспевала с самого начала, и к тому времени, как старший партнер отправился на покой, так преуспела, что дивиденд оказался для наследника более чем достаточным.

Несколько времени до своей смерти Мистер Друд-старший старался уговорить своего щетинистого партнёра взять на себя обязанность опекуна над маленьким Эдвином, единственным сыном его, но Мистер Пеккрафт постоянно отклонял от себя это предложение под тем благовидным предлогом, что он положительно не понимал толку в детях, кроме тех случаев, когда они являлись в виде набитых чучел и оставлялись у него на сохранении.

За неимением лучшего, Мистер Друд выбрал молодого брата своей покойной жены и сделал Джона Джаспера опекуном над сыном.

Если бы почтенный Мистер Питер Пеккрафт мог догадаться о намерении своего партнера в случае его собственного отказа заменить его Джоном, то весьма вероятно, что он решился бы превозмочь свое нежеланье и познакомился бы поближе с живыми детьми. Он хорошо помнил черноволосого лукавого четырнадцатилетнего мальчика, который приходил к сестре, страстно любившей его. От Мистера Пеккрафта не ускользнуло равнодушное, жестокое выражение лица этого мальчика в день смерти своей единственной сестры. Но Мистер Пеккрафт узнал об этом последнем распоряжении слишком поздно, и он промолчал, заметив только, что этот выбор был единственной ошибкой, которую он когда-либо замечал со стороны своего усопшего партнера. Но

⁷ прикащика (*устар.*).

⁸ клиентам.

⁹ Жак де Вокансон (1709–1782) – французский механик и изобретатель, конструировал различные механические игрушки, в том числе человекоподобные.

так как в продолжение нескольких лет ничто не подтверждало молчаливых опасений подагрика, то он и стал приходить к тому заключению, что ошибся в Джоне Джаспере.

Не читая газет и давно прекратив всякие сношения с близкими Эдвину особами, старый джентльмен ничего не слышал об внезапном исчезновении Друда с лица земли, так как проходили целые месяцы и прежде, что он не слышал об нём ни слова. Когда Эдвину минуло шестнадцать лет, он пожелал приготовляться к какой-нибудь профессии; и действуя по совету старика, с которым привык совещаться во всех серьёзных делах своей жизни, поступил в инженеры. Привыкши знать его в отлучке иногда по целым неделям и месяцам, Пеккрафт привык и к той мысли, что Эдвин в разъездах и не может навещать его, и у них вошло в соглашение, что когда Эдвин Друд достигнет совершеннолетия, то может занять место своего отца в их старой фирме, если жизнь инженера не понравится ему.

И так, торговая фирма Мистера Пеккрафта находилась в соседстве Чансери-Лэна¹⁰ и служила местом занятия, как равно и жилищем, для Мистера Столопа¹¹, прикащика-Автомата. Спальный апартамент этого джентльмена находился за магазином и, выходя одним окном на задний двор, выглядывал другим на улицу недалеко от частного входа в дом.

В эту комнату удалялся прикащик каждый вечер, тщательно заперев ставни и закрепив внутренние старомодные болты магазина редкостей, так как в главном условии контракта, заключенного с ним Пеккрафтом, стояло неперменным обязательством проводить без исключения каждую ночь в этой комнате под опасением лишиться места без апелляции¹².

В ту самую ночь и почти в то же самое время, как Принцесса совершала свой подвиг освобождения маленькой пленницы, Мистер Столоп, вернувшись домой из соседнего театра, где он восхищался целый вечер необычайными приключениями главной любовницы в желтой коленкоровой юбке и красной бархатной шапочке с золотым пером, садится у своего стола и погружается в сладкое воспоминанье о финальных событиях жизни той же любовницы, гордо торжествующей над изменником, пораженным благородным отцом при звуках двух скрипок¹³ и одного турецкого барабана.

Юный Столоп пропитан с колыбели горячей преданностью к театральному искусству – ко всякому без исключения, начиная с трагедий Шекспира¹⁴ и вплоть до походов Арлекина с Колумбиною¹⁵. Его маменька – да простит ей Бог – воспитала его в подобострастном уважении к героям, освещенным блестящею полосой газового сиянья снизу и парящим под картонными облаками сверху, а соседки, из числа тех почтенных старых лэди, которые, принадлежа к даровым любительницам астрологии, чувствуют истинное наслаждение в предрекании всевозможных, самых неожиданных карьер¹⁶ попадающим им детям обоего пола, положительно затемнили рассудок матери и сына своими замечаниями об юном Столопе, который, по их словам, имел такой величественный лоб и столь характеристические морщинки у углов рта с присоединением сосредоточенного огня во взоре, зажигающегося в нём в те горькие минуты, когда у него отымали пирог с патокой, что прямая судьба его указывала ему на подмостки. Но, к несчастью, большая часть театральных антрепренеров, принадлежа к таинственному, но, тем не менее, дальновидному племени Израиля, которое во всякое время бытия своего способна была перещеголять любого Нострадамуса¹⁷ в предвиденьи касательно своего собственного интереса, узрели Мистера Столопа-младшего в ином свете, чем кумушки и соседки его маменьки, и положительно отказывались от выгодной чести считать его зачисленным в своей труппе. Поэтому огорченный Мистер Столоп решился ждать, и в ожидании с благодарностью принял предложенное ему место Автомата-Прикащика.

¹⁰ Чансери-Лейн (*англ.* Chancery Lane) – улица в центральной части Лондона.

¹¹ *Англ.* Stollor.

¹² обжалования (*англ.* appeal).

¹³ скрипок (*устар.*).

¹⁴ Уильям Шекспир (1564–1616) – английский поэт и драматург.

¹⁵ Арлекин и Колумбина – персонажи итальянской комедии дель арте, или комедии масок.

¹⁶ карьер (*англ.* career).

¹⁷ Мишель де Нострадам, известный также как Нострадамус (1503–1566) – французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами.

В эту самую ночь, в далёко полночный час, неумолимые мысли Мистера Столопа, отгоняя от него сон,¹⁸ внушают ему идею встать и продекламировать роль Гамлета¹⁹ в пользу воображаемых слушателей. И так, он зажигает свечу и величественно направляется босыми ногами к двум алебастровым изваяниям, выглядывающим на него с высоты верхней полки древнего бюро; первое из них изображает меланхолические черты самого барда, воспевшего Гамлета, а другое – толстощекого Адмирала неизвестной нации с весьма курносом носом и глазами, доброжелательно следящими, как ему кажется, за всеми движениями своего владельца.

Дико горят глаза Гамлета, осыпая горькой иронией род человеческий, мстительно сжимаются кулаки его в то самое время, как привидение, соскучившееся лежать в гробу, оставляет его, говоря сыну могильным голосом:

«Я тень отца твоего!..»

Глубокий стон раздаётся в эту самую минуту под окнами Мистера Столопа,²⁰ волосы его становятся дыбом, а нос бледнеет; до такой степени олицетворяясь в роли Гамлета, принимает сей джентльмен этот стон за вздох, выходящий действительно из груди привидения...

Отскочив на два шага, Мистер Столоп со страхом вперяет мутный взор на друга своего Шекспира. Он чувствует какую-то уверенность, что стон этот произведен самим поэтом... И в ту самую минуту, как он готов поклясться, что губы барда шевелятся и шепчут, под окном его раздаются проклятия, шум борьбы и беспомощный голос женщины.

Под влиянием какой-то изумительной храбрости, наполнившей его Львиное сердце, как только он убедился, что имеет дело не с выходцами того света, а с угнетённым прекрасным полом, он бросается к выходной на улицу двери.

Не отдавая себе ясного отчёта в подобном поступке и не останавливаясь раздумывать, Мистер Столоп быстро отворяет двери и находит на пороге молодую девушку, лежащую без чувств поперек крыльца, а в двух шагах от неё борющегося, по-видимому, сильного мужчину с бешено вцепившеюся в него старухой.

Услышав стук отворившейся двери и увидя в ней Столопа, мужчина вырывается из когтей старухи и убегает не оглядываясь.

Замечая произведённый им эффект и соображая тотчас же, что если сильный мужчина убежал, то, вероятно, потому что чего-то испугался, и что поэтому ему, Столону, не предстоит ни малейшей опасности выказаться с самой лучшей стороны, – Автомат-Прикащик производит горловое усилие и кричит густым басом:

«Что это за крик? Погодите, задам же я ему!»

И тотчас же, испугавшись своего собственного голоса, осторожно прячется за дверь.

Но старуха предупредила его и, втащив проворно молодую девушку в коридор, поспешно запирает дверь, восклицая:

«Мой добрый джентльмен!.. Ягнёночек мой!.. Вы наш спаситель, сэр... Вон эта бедная барышня совсем полумёртвая, коль не совсем умерла со страху. Позвольте нам пообождать здесь, пока ей станет лучше. Она лэди самого знатного рода, сэр».

Услыша воз[з]вание к его помощи и узнав, что бесчувственная девушка – лэди «самого знатного рода», Мистер Столоп поспешно ретируется в свою комнату, оставив им свечу и прося пообождать, так как он тогда только замечает необыкновенную прозрачность своего ночного костюма. Во время поспешного туалета Мистер Столоп чувствует, как разыгрывается в нём поэтическое воображение, рисуя перед ним картины самого романического свойства. Он не препятствует своим фантазиям, а напротив поощряет следующими мечтами:

«Дочь богатого... единственная дочь богатого и могучего баронета, вероятно, – думает он, надевая сапог на правую ногу, – вышла подышать ночным воздухом с престарелой дуэньей... атакованы... Куда запропастился другой сапог?.. Вот он... Атакованы внезапно... Лондонским ночным разбойником. Столоп, бедный, но честный и достойный прикащик Питера Пеккрафта, сидел погрюженный в свое любимое занятие – чтение классических поэтов...»

¹⁸ Далее зачеркнуто: *и*.

¹⁹ Гамлет – герой одноименной трагедии У.Шекспира.

²⁰ Далее зачеркнуто: *и*.

В эту минуту классический поэт, которого он задел в темноте, валится ему на голову и разбивается вдребезги, но разгоряченный собственной фантазией Столоп не обращает на это внимания и, с презрением отталкивая осколки левой, уже обутой ногой, продолжает:

«...В чтение классических поэтов, услыша крики о помощи, выбегает на улицу и, задушив разбойника, приглашает молодую лэди к себе в дом... то есть не [к] себе... но это всё равно... Затем Столоп сопровождает её домой и, вручая в руки погруженного до той минуты в отчаянье отца, приглашен им считать его дом за свой... Заключение: молодая лэди возгорает любовью к любимцу Муз, отец в порыве благодарности забывает общественное расстояние и... они соединяются, и проч., и проч.»

После такого счастливого заключения Мистер Столоп выходит в коридор, одетый в праздничное платье, и помогает Принцессе приводить Розу в чувство. По приглашению Столопа они несут её бережно вдвоем в контору, находящуюся за магазином, и кладут на диван.

Роза скоро приходит в себя и оглядывается испуганно, увидев себя в незнакомой комнате. Бедная маленькая Роза сильно похудела и побледнела, но ничего не утратила из своей нежной красоты. Несчастный Столоп, глядя на неё, поражен в самую середину своего чувствительного сердца, и мечты принимают более действительный вид с одной стороны. Принцесса спешит рас[c]казать ей, как они туда попали и какую помощь оказал им этот «добрый молодой джентльмен».

Но «добрый молодой джентльмен» начинает сильно конфузиться под исполненным искренней благодарности взглядом Розы и беспомощно опирается на толстого Турка, припёртого к стене и покрытого с головы до ног восточными редкостями.

Роза, приложив похудевшую ручку к бледному лбу, заявляет мнение, что им следует скорее отправиться, поблагодарив джентльмена, и постараться, не мешкая, отыскать «доброе, милое Мистера Грейджиус[а]». Но старуха, на лице которой остались следы недавней борьбы с погнавшимися вслед за ними похитителем Розы, а руки все в крови, протестует и объявляет свое твердое намеренье не трогаться оттуда до утра.

«Разве что добрый джентльмен выгонит, – рассуждает она, поддерживая всё еще слабую Розу. – А то, глянь-ка, куды нам идти, опять плутать одним в эту пору ночи. Да теперь и во всём городе не найдёшь кэба, ласточка. К тому ж, кто поручится за то, что этот, прости Господи, прощельга, не снует здесь по соседству, поджидаячи нас опять? Нет, ласточка, нет, лучше прилягте здесь да отдохните на диване до утра с позволением доброго джентльмена, а я посижу возле вас».

Мистер Столоп, который под влиянием смущенья во всё время совещанья их подвергал злополучного Турка самым утонченным терзаниям в виде щипанья, нервного дёрганья и прочее, внезапно открывает в голове своей что-то вроде плана и, – смутившись еще более вследствие того, окончательно выбивает Турку два передних зуба, наткнувшись на его разукрашенный чубук с трубкою, принадлежащих когда-то Алжирскому Дюю, – робко произносит:

«Если угодно молодой лэди – то я – с удовольствием – со счастьем готов уступить до утра свою комнату, – а там, конечно, было бы покойнее. Если только... когда бы... если...»

И, положительно растерявшись на этот раз, заметив вопросительно устремленный на него взор Розы, он путается и беспомощно опускается на колена к Толстому Турку.

Принцесса набрасывается на предложение с видимым восхищеньем. Роза так слаба и столько перенесла за последние дни, что не чувствует силы сопротивляться, и старуха её уводит, рассыпаясь в благодарности перед Мистером Столопом, который почтительно и робко доводит их до своей комнаты и исчезает сам в магазине.

Пытаться отдать некоторый отчёт читателям в мечтах Мистера Столопа, когда он остался один, окруженный фантастическими тенями редкостей, было бы столько же невозможно, как попробовать взвести Риджент-Паркского Гиппопотама²¹ на самый верх колокольни Св. Павла. Даже первые блестящие лучи восходящего солнца, проникая в магазин редкостей через расщелины ставней и осветив в розовый цвет все курьёзные, симметрично расставленные по

²¹ Риджентс-парк (*англ.* Regent's Park) – один из главных королевских парков Лондона, в северной части которого располагается Лондонский зоопарк, основанный в 1828 г. и открытый для публичных посещений в 1847 г.

комнате предметы, не²² успели озарить ни малейшим светом хаотический мрак, воцарившийся в голове этого влюбленного джентльмена по поводу того, как окончится это ночное приключение и через сколько именно месяцев поведёт он, Столоп, прелестную молодую лэди к Алтарю.

Мистер Питер Пеккрафт, по примеру многих других холостяков, всю жизнь свою вставал зимой и летом в пять часов утра и чрезвычайно гордился такой аккуратностью. Частное жилище его находилось неподалёку от Чансери-Лэна в Силвер-Сквэре²³, и много уж лет занимал он одни и те же меблированные комнаты, частью по врождённому нежеланию к всякой перемене, а частью потому что привык к домохозяйке своей, столь же аккуратной лэди, насколько он был аккуратным джентльменом. Лэди отвечала на имя «Мисс Кип²⁴» и была олицетворением девственной чистоты и опрятности.

Если бы кто пожелал разбудить Мисс Кип в самую позднюю пору ночи и спросить у неё, где находится №18^й или 12^й из тридцати девяти номеров разных величин щеток, она, не раскрыв даже глаза, отвечала бы вам:

«Спуститесь вниз в кухонный отдел, там позади второй двери направо на четвертом гвозде, считая от восточного окна, вы найдёте требуемое».

Одно помрачало в глазах некоторых матерьялистов все превосходные качества этой престарелой девицы. Мисс Кип безумно любила стихи, поэзию, Муз. Мисс Кип сама сочиняла стихи, и поэзия лилась из ее уст в виде натурального источника, слишком громко журчавшего быть может, но неиссякаемого и столько же прозрачного. Злые матерьялисты, нанимающие комнаты понедельно и помесечно у Мисс Кип, жаловались на то, что это постоянное журчанье клонило их ко сну, когда не приводило в ярость. Но друзья и знакомые положительно приходили в восторг от этой «милой» поэтической Мисс Кип, хотя люди грубые говорили совершенно противное. Может быть, потому-то и служанки исчезали из дома одна после другой, жалуясь горько соседним «молодым людям» из бакалейных лавок, что они не могли исполнять домашних обязанностей, когда им отдавали приказанье стихами, тараша на них глаза до обморока.

Как мы сказали выше, Мистер Пеккрафт вставал постоянно не одной минутой позднее иль раньше пяти часов, и в восемнадцать лет знакомства своего с хозяйкой всего один раз изменил правилу. В присоединенье к подагре старей джентльмен стал страдать одно время зубами и, надеясь найти облегчение в «лаудануме»²⁵, принял его в одну ночь. Боль унялась, и Мистер Пеккрафт крепко заснул. Когда он проснулся на другое утро, то к ужасу своему заметил, что он опоздал на целые полчаса. Недолго думая, он тотчас же решился, и вернувшись снова в постель, не пошевелился в ней до другого утра, когда и встал ровно, как било пять часов на городской колокольне. Мисс Кип так испугалась тогда, видя, что он не выходит из комнаты и даже не отвечает на непрерывное стучанье, что чуть было не приказала двум служанкам выломать двери, когда, наконец, Пеккрафт успокоил её через замочную скважину. Одно из лучших стихотворений Мисс Кип воспело эту домашнюю эпопею.

Мисс Кип – высокая и чрезвычайно костлявая, вылинявшая блондинка. Глаза её были, очевидно, приготовлены судьбой в окраску голубого цвета, но в последнюю минуту, вероятно, не достало краски на палитре и они остались столь же полинялыми, как и всё прочее, словом, «молочными», как выражались ее враги. Она носит волосы, зачесанные впереди и притиснутые к вискам самым правильным полукругом, таким, что ни один живописец не мог бы усовершенствовать правильность самой тончайшей кистью. Правильность эта простирается и на нос с подбородком, которые встречаются совершенно под одним углом.

Мистер Пеккрафт восстал и оделся, и если бы мы не знали наверное, что сей почтенный холостяк переночевал у себя раздевшись, то могли бы подумать, что он никогда и не раздевался, до такой степени малейшая морщинка в платье и всякий поодиночке из торчащих волосков находятся на том же самом месте, как и накануне.

²² Далее зачеркнуто: с.

²³ Англ. Silver Square.

²⁴ Англ. Keep.

²⁵ Лауданум – опиумная настойка на спирту; в более широком смысле лекарство, в состав которого входит опиум; был особенно популярен у женщин в викторианскую эпоху как универсальное лекарственное, успокоительное и снотворное средство.

Он уходит тотчас же, как встает, в магазин, откуда и является в восемь к завтраку.

Он выходит из своей гостиной и на лестнице встречает, по обыкновению своему, Мисс Кип. Всё время за эти восемнадцать лет не проходило ни одного утра (кроме одного), в которое бы он не встретил её на том же самом месте:

«Мисс Кип, доброго утра вам желаю».

Глубокий реверанс со стороны престарелой девицы, и она отвечает ему рифмою:

«Я тем же, сэр, вам отвечаю!»

И это всё. Она уходит наверх, а он вниз.

Так как подобная сцена повторяется каждое утро, то она повторилась и теперь, после чего Пеккрафт направился к магазину редкостей.

Отворив дверь, Мистер Пеккрафт в невыразимом ужасе пятится назад. Перед отворенной стеклянной дверью стоит с засунутыми в карманы руками и с покрасневшими от бессонной ночи веками сам, своей особой, его прикащик!

Здесь последует маленькое отступление. Раз навсегда было заведено Мистером Пеккрафтом, – а раз что заведено им – закон, отступить от коего значило бы совершить криминальное преступление, – что его прикащик должен являться в магазин, минута в минуту, в шесть часов. Что означало это удивительное присутствие прикащика в половине шестого? Какое ужасное происшествие могло заставить его подвергнуться свирепому гневу доверителя? Пеккрафт, всё еще не веря глазам, подходит к Мистеру Столопу и тарачит на него полные бури глаза.

«Мистер Столоп? Сэр – Мистер Столоп?» – раздражается он, наконец, вопросительно дрожащим от бешенства голосом.

Столоп заметил гнев его и, сделавшись еще бледнее, униженно кланяется, отвечая:

«Мистер Пеккрафт, извините меня, сэр, но выслушайте. Я осмелюсь рассказать вам историю – происшествие, которое, дойдя до ушей ваших, сэр, изменит ваш гнев на милостивое прощение и – и одобрение!»

Но эти таинственные слова, вместо того чтобы успокоить его, возбуждают гнев Пеккрафта еще сильнее. Яростно схватив за ворот злополучного ночного героя, он потрясает им так, как бы если он выбивал пыль из одного из близстоящих чучел своих.

«Столоп – негодяй! Вы пьяны!.. Понимаете ли вы меня? Пьяны – есть или были!»

«Мистер Пеккрафт, сэр, – возражает слезливо «Автомат», освобождаясь, наконец, из-под процесса выколачиванья. – Вы несправедливы ко мне, сэр; но так как я невинен в преступлении, взводимом на меня вами, то и не обижаюсь, но для меня истинно прискорбно, сэр, думать, что джентльмен в вашем положении забылся до того в минуту гнева, что схватил меня за шиворот как презренного раба!»

Пеккрафт, несмотря на высокопарность слога, понял всю силу последнего упрёка и почувствовал себя очень сконфуженным. Войдя в контору, он даже не сделал никакого замечанья по поводу злосчастного изувеченного Турка; но, подняв трубку и аккуратно всовывая снова чубук в рот Мусульманину, он спросил спокойнее:

«Так объясните же, Столоп, – и – и забудьте мою горячность».

И он входит из конторы в магазин. Догоравшая свеча, терзаясь в предсмертных конвульсиях, слабо освещала магазин с запертыми еще ставнями и служила ему доказательством того, что «Автомат» провёл ночь свою дома, но теперь любопытство его сделалось еще сильнее.

Столоп подробно рассказывает Пеккрафту об удивительном происшествии, и в своём описании о молодой «знатного рода лэди» дошел до такого патетического восторга и стал так безумно декламировать о ее небесной красоте и о горящих, как «звезды ночные», глазах, что провинился в другой раз в глазах аккуратного Пеккрафта, наступив и запутавшись в длинном хвосте канадского бобра, увешанного Индийскими трофеями. Но и тут Пеккрафт удержался и только спокойно заметил:

«Не будьте болваном, Столоп. Мне было бы весьма жаль впоследствии, если бы я принуждён был сознаться себе, что имел прикащика-болвана. Позовите этих особ, и я увижу, что нам останется сделать... Как вы можете поручиться, что всё это не заранее обдуманый план, чтобы... О, Боже мой! Какая внезапная, но страшная идея, – восклицает старый джентльмен в порыве ужаса, – что если они обокрали меня?..»

И он кидает взгляды во все углы, чтоб убедиться в том, что всё цело. Но тут возгорающая любовь к Розе в сердце пламенного прикащика зажигает, в свою очередь, удивительную храбрость в нём, и он, пылая гневом за такое подозрение на даму сердца, отвечает с презрительным достоинством:

«Я могу быть болваном во всём, что вам угодно, сэ, но всё же я не такой болван, чтобы поверить подобной нелепости, и если...»

Но тут дверь его комнаты растворяется, и Роза входит в сопровождении Принцессы.

Столоп остается как вкопанный и, приложив руку к сердцу, низко кланяется Розе.

Словоохотливая Принцесса начинает снова рассыпаться в выражениях их благодарности, но тут же остановлена суровым Пеккрафтом, который, перебив её, говорит:

«Я чрезвычайно доволен, если мой “прикащик”, – и, указывая большим пальцем через плечо на Столопа, старый джентльмен напирает на слово «прикащик» таким тоном, что несчастный герой чувствует себя не больше величиною, как с «пчелиное колено»²⁶, – если мой прикащик мог доставить вам помощь и приютить в моих комнатах, коль скоро вы обе нуждались в них. Но вы согласитесь также, что как хозяин я имею право на некоторое объяснение от вас?»

Тут маленькая Роза, которой и в голову не приходит, что она находится в старой фирме отца «бедного Эдди», начинает рассказывать о своём похищении, но, не дойдя и до половины, голос её прерывается, и она начинает истерически рыдать, так что нетерпеливый джентльмен принуждён просить Принцессу закончить начатое.

Старуха, не упоминая имен, объясняет ему подробно обстоятельства.

«Поэтому, сэ, – снова начинает сквозь слезы Роза, – теперь, как вы всё узнали...»

Но тут, взглянув на Столопа, несмотря на недавнее горе и неприятное настоящее положение, Роза не может удержаться от смеха и, закусив зубками платок, хохочет и плачет, всё вместе.

Удивленный Мистер Пеккрафт обёртывается и видит своего прикащика утирающим также слёзы с самыми необычайными кривляньями и гримасами.

«Ступайте за вашу конторку, сэ! – грозно восклицает Пеккрафт. – И не представляйте из себя долее осла!»

Униженный Столоп, повесив голову, исчезает, а хохочущая Роза, которая на минуту удивительно становится похожей на прежний «Розовый Бутон» из «Дома Монахинь», продолжает:

«Теперь, как вы всё узнали, сэ, надеюсь, что вы не откажетесь отвести меня к опекуну моему, Мистеру Грейджиусу?»

«Мистеру... Кому?» – переспрашивает озадаченный Пеккрафт, вытаращив глаза.

Роза повторяет имя и адрес.

«Так кто же вы, дитя моё?» – спрашивает Пеккрафт с живостью.

«Имя моё – Роза Бёд, из Клоистергэма».

«Роза Бёд!.. Так, стало быть, вы невеста моего... то есть не моего, а сына моего покойного партнера Друда?» – восклицает Пеккрафт.

Тут всё объясняется, и услыша подробности, о которых ему и не снилось, и неожиданную для него новость об исчезновении Эдвина Друда, старик выказывает лучшую сторону своего характера, так как он страшно бледнеет и восклицает, падая в кресло и подымая руки:

«Эдвин! Мой бедный Эдвин! Сын моего лучшего, самого дорогого для меня друга. О, какое страшное известие!»

Искренние слёзы капают по щекам старого джентльмена.

Но Питер Пеккрафт не из таких, что забываются долго в минуты горя. Мигом распорядившись, он посылает Столопа за кэбом²⁷.

И первый раз в жизни Столоп желал бы поменяться с хозяином местами и называться Пеккрафтом.

Через две минуты кэб ожидает у дверей; и Принцесса сообщает Розе, что так как она теперь нашла защитника, то ей нечего более бояться, и что она (Принцесса) пойдёт домой.

²⁶ The bee's knees – английская идиома.

²⁷ Далее зачеркнуто: *и в пер.*

Роза протестует и настаивает, чтобы она ехала с ними, говоря, что она желает, чтобы Грейджиус узнал, что она для неё сделала, и наградил бы её за это, но всё напрасно; старуха обещает дать знать о себе в скором времени, но о награде и слышать не хочет.

«Послушайте и поймите меня, дитячко, – говорит она, видимо, тронутая словами признательности Розы, – не думайте, что я не чувствую всей вашей милости к бедной старухе, которой недолго уж жить, но у меня есть своя работа и мне нельзя покинуть её, не кончивши²⁸. Будьте уверены, ласточка, что увидите меня еще; а что до награды, то лучше уж и не огорчайте меня, довольно мне и того, что вы иногда с ласкою вспомните о старой, что помогла бедной птичке выпорхнуть... Да благослови вас Бог!»

И Принцесса протягивает ей дрожащую руку.

«Будь по-вашему, – отвечает со вздохом Роза, крепко пожимая ей руку, – но помните, что я навеки не забуду вашей услуги. И если у вас есть дочь, которой понадобилась бы подобная помощь, то пошли ей Бог такое же благородное любящее сердце и крепкую руку, как нашла я в вас. Теперь до свиданья».

И, обняв руками шею старухи, она крепко целует её в обе морщинистые щеки и удивляется, почему ее слова вызывают на них такие две горькие горячие слезы.

²⁸ кончивши (*искаж.*).